

Правда, 1961, 10 мая.

Нет счастливей для поэта удела, когда творение его рук, его воображения, его ума и сердца начинает вдруг жить, жить в народе, на земле родной, обретая реальные жизненные черты. Этот удивительный процесс превращения явления литературы в явление самой жизни не каждому дано пережить. Ведь надо суметь найти тот волшебный источник живой воли, от соприкосновения с которым поэзия сразу же начинает жить, дышать, набираться силы.

Не за тридевять земель следует отправляться на поиски этого животворного родника, он звенит здесь же, рядом с поэтом. Но вот поди ж ты, не каждый его слышит, не каждый находит. Не у каждого возникает неодолимая потребность приложить ухо к земле, чтобы услышать, где же бьет этот чудесный родник, без которого нет для поэзии жизни.

Александр Твардовский нашел его в родной смоленской стороне, и источник этот действительно дал его поэзии такую силу, что стала слышна она на всю страну, на нее отозвался всяк суший в ней язык, и поэт сполна познал большое счастье благодарного народного признания. Его поэзия рождена и поднята жизнью, но со своих поэтических высот она снова возвращается в жизнь, становясь ее неделимой и необходимой частью. Поэт обладает счастливым и редким даром неразрывного слияния поэзии с жизнью. Ну кто не знает, как со страниц его книги зашагал по фронтовым дорогам никогда не унывавший солдат Василий Теркин.

В тылу и на фронте, на привале и в наступлении ни у кого не возникало сомнений в реальном существовании этого литературного героя. У Теркина нашлось неисчислимое множество однополчан. И, вернувшись с войны, они по-прежнему хотели видеть его рядом с собой. Они настойтельно требовали от поэта новых встреч со своим верным фронтовым товарищем. Но встретиться с ним так и не пришлось: поэт не мог продолжать сложенную им песню «без начала, без конца», рожденную в грозной атмосфере прожитых военных лет. «Песня новая чужна, — отвечал он, — дайте срок, придет она».

И действительно, пришло время, пришел срок, и поэт сложил обещанную новую песню. Но новая, как бы ни была она дорога нашему сердцу, не заслонила все же старой. И по-прежнему были однополчане не забывали Теркина, вспоминали его добрым словом, никак не желая расставаться с ним, даже принимались то тут, то там продолжать недописанное, как им казалось, поэтом. Все это заставляло задумываться наши театры о том, а не попытаться ли вывести Теркина на сцену...

Задумывались театры, но и побаивались этого своего намерения. Уже сколько их упрекали за пристрастие к инсценировкам литературных произведений, которые, по доказательствам критики не обходились обычно без больших или малых потерь. А тут придется иметь дело не с законченным романом, не с повестью, а с удивительной поэтической книгой, да еще без начала, без конца. Попробуй, найди в ней да разработай непременно для сцены драматургическую жилу, чтобы все было как положено: и завязка, и завязка, и конфликт, и развитие характеров, да мало ли чего требуют строгие законы драматургии.

И все же Теркин, рано или поздно, непременно должен был появиться на сцене. Как же можно было бы объяснить потом, почему наши театры, так сроднившиеся с современной литературой, никогда не изменявшие своей любви к ней, взяли да прошли мимо одного из самых примечательных литературных произведений, так запавших в душу народную.

Но объяснять теперь все это уже не придется. Афиша Московского драматического театра имени Моссовета приглашает на встречу с Теркиным.

Это встреча большого эмоционального воздействия, большого и глубокого жизненного смысла, горделивых и радостных раздумий о нашем времени, о нашем человеке. Есть еще на Западе охотники донскиваться у Достоевского разгадки «загадочной» русской души, продолжающей неслуханно изумлять мир своими удивительными свойствами. Но нужно ли тревожить век былой, когда век нынешний на все дает ответ. Встреча с Теркиным тем и знаменательна, что она не только заставляет заново пережить пережитое. Незримой эстафетой связана она с сегодняшним нашим временем. И если уж нужно кому-то искать разгадку необык-



Артист Б. Новиков в роли Василия Теркина.

Рисунок А. Васильева.

новенности советского характера, то разве не скажет встреча с Теркиным, что же рождает таких замечательных людей, как скромная прядильщица Валентина Гаганова, чутким сердцем своим почувствовавшая, что требует от нее приближающееся коммунистическое будущее. Разве не говорит эта встреча, откуда и как появляются у нас легендарные люди, подобные Юрию Гагарину.

Так неожиданное приобщение театра к поэзии Твардовского привело к рождению значительного сценического произведения. И значительность заключена прежде всего в его философском подтексте. Время остается лучшим судьей художника. Знакомая каждому знаменитая «Книга про бойца» закончена поэтом чуть ли не два десятилетия назад. Но сейчас, воспринимая ее через несвойственную ей театральную призму, находишь в ней нечто новое, не замеченное ранее. И в этом заслуга театра. Его сколько угодно можно упрекать за то, что вот то-то и то-то он не взял из книги в свою сценическую композицию, сделанную К. Воронковым, то-то и то-то обрубил, подрезал или проглядел. Но дело не в этом. Театр не брался же за то, чтобы прочесть со сцены давно прочтенную зрителем книгу. У театра, как и у поэта, есть свои законы, и не считаться с ними нельзя. Он создал свою сценическую поэму, но в ней сказано самое главное, передано живое дыхание прекрасного творения поэта и во весь рост встает его герой. На встречу с ним и приходит зритель.

...Ну-ка повернись, Василий Теркин, покажись, каков ты есть на самом деле, тот ты или не тот! Может, до этой встречи в воображении зрителя рисовался и не во всем схожий внешний облик героя, но никакого конфликта между сценой и зрительным залом не возникает. Оказывается, совсем не беда, если зрители в герое, появившемся на сцене, не найдут точного портретного сходства со своим Теркиным: ведь у каждого есть свое представление о литературном герое. Беда была бы в другом, если бы они не приняли внутренней сущности, самой природы изображаемого те-

атром героя. А этого-то как раз и не происходит. Театр достигает того, что зритель не может не узнать в Теркине, каким его показывает артист Б. Новиков, истинного Теркина А. Твардовского.

Силой своего дарования артист широко и свободно раскрывает самобытную народность натуры героя: и его природный ум, и его неистощимый юмор, не покидающий солдата даже в самых труднейших испытаниях, и его живое чувство товарищества, великое жизнелюбие, святость отношения к нелегкому солдатскому долгу, бесстрашие в защите родной земли. Все эти свойства характера и образуют духовный облик бойца-патриота, бойца-гражданина, который великолепно сознает, что он, как сын Отчизны, за все в ответе. Выявление этой врожденной и благородной патристической сущности характера героя — главное достоинство актерского исполнения Б. Новикова.

Патристическая тема составляет как бы живую сердцевину изображаемых на сцене событий. Театр показывает не войну, а человека на войне. Батальные сцены, как бы талантливо и изобретательно ни были они поставлены, не дадут все же реального представления о войне, будут рождать ощущение неправды. Правду рождает другое — природа поведения человека в необычных условиях войны. Поэтому так много зрителю скажет о войне тот заразительно-жизнерадостный эпизод спектакля, литературной основой которого послужила «Гармонь» — чудесная глава из «Василия Теркина». Зимой, в лютой мороз, в лесу прифронтовом, как ни в чем не бывало, словно на психоделках, звенит, заливаются гармоника, и бойцы в белых овчинных подшубках, в валенках и ушанках, на припотном снегу стараются перепеть один другого. Столько во всем этом богатейской удалости, не показной и не наигранной, а рвущейся из сердца удалости, столько неизбывной силы и широты характера, любви к жизни, что становится ясным, как эти люди будут вести себя в бою. Они победят, они не могут не победить.

В этом и заключен пафос спектакля, в этом и выявляется сила его эмоционального воздействия. Он встает в ряд лучших постановок нынешнего театрального сезона. И насколько не смущает, что не все еще в спектакле доведено до нужного уровня. Он несомненно «дойдет», должен «дойти». В этом убеждает то, что уже сделано режиссером А. Шапсом, сумевшим вместе с художником А. Васильевым и композитором В. Соловьевым-Седым с таким успехом осуществить нелегкий процесс сценического «овеществления» кристально чистой и сердечной поэзии А. Твардовского.

Поэзия живет на сцене. Она поет о том, как прекрасен и героичен советский человек. Она волнует и трогает сердца, хоть и выглядит совсем простой и обыденной, одетой в выцветшую на солнце скромную солдатскую гимнастерку.

Н. АБАЛКИН.